

П.С. Гуревич

ИДЕНТИЧНОСТЬ МНОГОЛИКАЯ И ВЗЫСКУЮЩАЯ

Аннотация. Статья посвящена сложному антропологическому и социальному феномену – идентичности. Автор рассматривает потребность к самотождественности как коренную, глубинную и трудноутолимую человеческую потребность. Однако он показывает, что многие прежние представления об идентичности сегодня оказываются неприемлемыми. Так, идущее от Нового времени убеждение, что каждый камень, как и живой человек, не хочет быть ни кем иным, кроме как тем, что ему определила природа, сегодня выглядят спорно. В наши дни человек зачастую отказывается от своей идентичности, растворяется в недрах социальной анонимности, тяготеет к нулевой самотождественности. В статье показано, что процесс идентичности – сложен, противоречив и парадоксален.

В статье используются методы философской антропологии, которая за время своего существования наработала определённые принципы анализа конкретных социальных и антропологических проблем. Автор руководствуется также принципом историчности, фиксируя внимание на коренных изменениях в трактовке данного феномена.

Новизна статьи заключается в том, что в ней даётся синопсис проблем, связанных с феноменом идентичности. Отмечается, что идентичность является чисто человеческой потребностью, что она формируется в значительной степени отношениями. В этом смысле идентичность не является субстанцией, об исчезновении которой пишут многие авторы. В статье этот феномен анализируется, прежде всего, как индивидуальный. Однако показано, что стремление к самотождественности присуще не только отдельным людям, но также странам, культурам, цивилизациям. Особое внимание уделяется расколотости человеческого сознания и парадоксам идентификации.

Ключевые слова: идентичность, культура, цивилизация, самотождественность, потребность, социальность, индивидуация, образ, идентизация, расколотость сознания.

Review. The article is devoted to a very complex anthropological and social phenomenon – identity. The author of the article studies the need for self-identity as the core and deep need which is rather difficult to be satisfied. However, Gurevich states that most of the previous concepts of identity turn to be unacceptable. For example, the belief of the modern period that both a stone and human want to be what they are predetermined to be seems to be rather disputable. Nowadays human often denies his identity, gets dissolved in social anonymity and gravitates towards the zero self-identity. In his article Gurevich shows that identification is a difficult, contradictory and paradoxical process. In his research the author has used the methods of philosophical anthropology as the science that has already developed certain principles of the analysis of particular social and anthropological issues. The author also relies on the historicity principle focusing on the fundamental changes in the interpretation of this phenomenon. The novelty of the article is caused by the fact that therein the author provides a synopsis of the problems associated with the identity phenomenon. The author emphasizes that identity is a purely human need and formed by human relations to a great extent. In this regard, identity is not a substance that starts to disappear as many authors write about. In this article Gurevich analyzes identity as the individual phenomenon first of all. However, he also demonstrates that aspiration for self-identity is typical not only for individuals but also for countries, cultures and civilizations. Special attention is paid to the 'divided consciousness' of human and identification paradoxes.

Keywords: individuation, sociality, need, self-identity, civilization, culture, identity, image, identification, divided consciousness.

Уединение и селфи

Идентичность – поразительный феномен. Прежде всего, потребность в нём, судя по всему, чисто человеческая, антропологическая. Утёс не помышляет о том, чтобы стать радугой. Тигр не завидует ни льву, ни газели. Любое животное воспринимает себя именно в том варианте, какой оно получило от природы. Возможно, утёс поразился бы своему естеству, если бы обладал сознанием. Тогда получилось бы так, как у М.Ю. Лермонтова: «Он стоит, задумался глубоко, и тихонько плачет он в пустыне».

Специальные эксперименты французского исследователя Анри Валлона показали, что детёныш шимпанзе узнаёт себя в зеркале. Но он быстро утрачивает интерес к этому изображению. Иное дело – человеческое чадо. Оно уже через полгода не только начинает привыкать к зеркальному двойнику, но и соотносить себя с ним, даже пытается его «исправить», «улучшить». В процессе социализации маленький ребёнок станет осваивать особенности человеческого поведения, адаптироваться к ним и примерять социальные роли. Одновременно он захочет превзойти освоенный образ. Так он станет соотносить себя с окружающими.

Тяга к самотождественности может быть лёгкой, простой, а может оказаться и мучительной, требующей жертв и затрат. Злая чаровница у А.С. Пушкина находила особую усладу в том, чтобы зеркало подтвердило её безоговорочную красоту. Но зеркальце однажды отказало изображению в его исключительности. Так, собственный образ наделяется взыскательностью, несёт неожиданную горечь и непосильную правду. Он ускользает, преображается, мучает и обязывает к пересотворению.

Однако путь к себе для многих прост и даже занимателен. Рассказывают, будто в октябре 1839 г. американский фотограф Роберт Корнелиус поймал на объектив фотоаппарата собственное отражение в стекле семейного магазина. Снимок понравился фотографу, он радовался тому, как на стекло вечности, если воспользоваться строчками Манделъштама, легко его дыхание, его тепло. Но вряд ли он подозревал, что воспоследует за этим обыденным фактом. Через несколько десятилетий неопознанная женщина в 1900 г. запечатлела себя с помощью фотоаппарата «Кодак». Затем русская княжна Анастасия Романова в присутствии собственного отца, царя Николая II, запечатлела для истории свой облик.

Трудно с определённостью утверждать, как родилась мода на селфи, но она захватила милли-

оны людей. Многие стремятся сохранить каждый миг своей жизни, каждое событие, которое позволяет лепить собственный образ. Однако сразу выявились и различия в культурах, представители которых по-разному воспринимают данный процесс. В Японии, например, отказываются позировать, прячут лица и опускают глаза. В европейских странах, напротив, убеждены в том, что в селфи надо показать себя уверенной, убеждённой и лишённой мещанских предрассудков.

По первому впечатлению мнится, будто я сама ваяю свой образ, придумываю и осваиваю свои очаровательные черты и особенности. Но парадокс как раз заключается в том, что идентичность творят окружающие. Окажись человек на необитаемом острове, он сразу лишился бы объектов для подражания. А. Шопенгауэр был убеждён в том, что только в полном и окончательном уединении можно приблизиться к своей личности. Но если индивид вступает в мир социальности, он рискует увлечься общественными иллюзиями, фикциями и ложными представлениями. Следовательно, обретение идентичности – процесс сугубо личный, персональный.

В известной мере немецкий философ прав. Невозможно выстроить свой внутренний мир без напряжённой и свободной активности. Общество же нередко мешает такому одиночеству. Оно едва ли не сразу после рождения предлагает человеку готовый набор культурных клише, бытующих в эту эпоху. К тому же для успеха в обществе крайне важно знать общественные запросы, адаптироваться к ним, устранить возможные конфликты с социумом, с другими людьми, которые зорко отслеживают ваш собственный процесс идентификации.

К.-Г. Юнг тоже рекомендовал нужную дистанцию от архетипа, который он назвал «персоной». Данное образование отражает социальную часть личности, тот её умустрой, который открыт социуму и жаждет консолидации с ним. Каждый человек мечтает о признании, успехе, благосостоянии. Добиться этих целей можно через собственную «персону». Поэтому многие люди стремятся растворить свою идентичность, подчинить её общественному диктату. Юнг же считал, что путь к успеху лежит как раз в том, чтобы отстраниться от безликой социальности и устремиться к собственному личностному ядру. Этот процесс австрийский психиатр и назвал «индивидуацией».

Но выстраивая внутренние духовные ориентиры, человек всё равно не свободен от общественных установлений. Он стремится повенчаться хотя бы

с теми ценностями, которые близки, соположены ему. Зависимость от окружающих здесь нередко бывает тотальной. Собственно, об этом и рассказывает сказка Г.Х. Андерсена «Голый король». Ведь свита короля не просто вводила властителя в заблуждение. Она боялась оказаться в стороне, на отшибе, вне солидарности с другими. Так общее заблуждение стало всеобщим руководством к действию.

Путь к собственной идентичности не знает завершённости. Э. Фромм не зря ввёл комментарий к придуманному им понятию «идентизация». Американский философ хотел показать, что добиться полной целостности, окончательной ясности о себе невозможно. Идентичность – это процесс. Он обязателен, но тот, кто вступил на путь самоопoznания, не имеет ни гарантий, ни средств, ни возможностей для того, чтобы добраться до точки Омега, условного обозначения всякой завершённости. М.Ю. Лермонтов писал о том, что являются порой «умы и хладные и твёрдые как камень». Но и они не являются цельными личностями, поскольку «мощь их давится безвременной тоской». Человек идеи может восприниматься как целостная личность. Но нацеленность на подчиняющую идею может вести и к односторонности, к урезанности внутреннего мира. Недаром польский сатирик Е. Лец пошутил: «Непреклонная позиция иногда бывает следствием паралича».

Отдельная и важная тема – расколотость личности. Ещё недавно исследователи были убеждены в том, что мозг в силу своей структуры обеспечивает единство сознания и поведения человека. Однако в ходе последовательной десакрализации мозга выяснилось, что мозг не может обеспечить сохранность целостного сознания [см.: 1]. Он сам фрагментирован, имеет несколько функционально разных очагов, что приводит индивида в замешательство в процессе обдумывания своей жизненной позиции. Он каким-то образом должен примирить голос разума и чувства, сознания и бессознательного, рационального и магического. К тому же индивиду в обществе приходится сталкиваться с множеством социальных ролей, которые зачастую полярны по своему смыслу и предназначению. В одном человеке могут соседствовать бюрократ и авантюрист, раб и господин, палач и жертва.

Быть собой или не быть?

В Новое время философы были убеждены в том, что всё сущее на Земле хочет быть собою. Луна не замышляет стать Солнцем, черепаха не мечта-

ет стать птицей. Самотождественность заложена в природе. Живые существа охотно принимают свою участь и естественное самоопределение. Все хотят быть сами собою. Но в наше время обнаружилась иная тенденция. Даже живые существа вынуждены принять на себя другое предназначение. Люди, народы, страны нередко отказываются от своей идентичности. Эту тенденцию в своеобразной форме отметил в своё время О. Мандельштам. Он посмеялся над символизмом А. Белого. Поэт отметил, что в этой поэзии нет ничего настоящего, подлинного. Страшный «контрданс» соответствий, кивающих друг на друга... Роза кивает на девушку, девушка на розу. Никто не хочет быть самим собой.

Эрих Фромм полагал, что идентичность является глубинной, трудно насыщаемой потребностью человека. В качестве антропологической данности это бесспорно. Однако в наши дни обнаружена и противоположная тенденция, которая обозначена Мандельштамом: никто не хочет быть самим собой. В социальной структуре эта тенденция находит выражение в массовой маргинальности, в желании определённых слоев населения добиться изъятия из всех определений. Но не только маргиналы стремятся к этой цели. Массовая культура вытравливает из людей всякую уникальность, наличие неповторимости. В результате возникает феномен нулевой идентичности.

Таким образом, подтверждается мысль о том, что идентичность – не изначальное свойство, а отношение, которое формируется в ходе социального взаимодействия. Идентичность всегда выражает сложные связи и взаимоотношения, которые постоянно меняются, преобразуются. Гегель гениально раскрыл диалектику такой расстановки. Он показал, как раб может оказаться господином, господин – рабом. Как часто индивиду, чтобы осознать свою идентичность, нужен всего лишь жёсткий полицей. Философская мысль, направленная в своё время на постижение дальнего действия тоталитарного мышления, раскрыла диалектику палача и жертвы. Палач зачастую сам становится жертвой обстоятельств, а жертва мечтает о палачестве. Вот почему тщательное прописывание идентичности наталкивается на многочисленные сложности и препоны. «Наше “я”, – отмечает В.А. Подорога, – обрывается на пересечении сталкивающихся потоков, один из которых мы пытаемся удержать, «присвоить» и перенаправить, в то время как другой рассеивает, “дробит”, принуждает к исчезновению. Эго-структура обрывается в зависимости от нашей

способности удерживать тождество себя с собой в каждое последующее мгновение» [2, с. 13-14].

В нашей повседневности нам приходится различать идентичность реальную и символическую. Они не совпадают по определению. Возьмём, к примеру, бытие человека в конкретном этносе. В житейской реальности индивид ощущает свои родовые корни, голос крови, своё фактическое пребывание в этой социальной общности. Но этничность как феномен сооружается на уровне символическом. Этносу приписываются такие свойства, которыми он не обладает в реальности. Реальный индивид вступает в этом случае в мир символов, которые не всегда поддаются здравому смыслу или житейскому толкованию. Так возникает разлад между реальностью и символикой. Даже если индивид соотносит себя с предложенным символическим рядом, он должен совместить эти образы с житейски достоверной картиной мира. Этничность несёт в себе героические, мессианские, подвижнические идеологемы, которые могут вызывать пафос, подвижнические идеалы, настроения энтузиазма. Но история далеко не всегда позволяет сойтись этим двум пластам осмысления реальности.

Идентичность как социальная проблема

Идентичность является проблемой не только для отдельного человека. Некоторые нации, страны, цивилизации оказались втянутыми в процесс самоуверения. Для государств, история которых насчитывает века, для цивилизаций, которые давно утвердились на планете, вопрос «кто мы?» кажется неожиданным, но насущным. В самом деле, вопрос, кого в Америке считать коренными жителями, а кого пришельцами, обрастает множеством невероятных трудностей. Официальная идеология изо всех сил старается замаять сведения о гибели культуры индейцев. Размышления о том, насколько коренные жители этого материка были несостоятельны в культурном и цивилизационном смысле, о том, как американское государство позаботилось об их счастливым жребии, имеют различные идеологические коннотации. Однако огромные сложности существуют и в связи с упрямыми вглубь расистскими настроениями, которые вновь и вновь прорываются на поверхность политической жизни страны.

Но ведь и Старый Свет находится буквально в корчах идентичности. В европейской культуре

накопилось множество матриц западной идентичности, которые связывали обычно с территорией, с европейским духом, с мессианским заданием универсальной истории. Не случайно в западном сознании укрепилось словосочетание «европейское человечество». Однако в наши дни Запад оказался расколотым. Именно поэтому Юрген Хабермас усматривает некое коварство в европейской идентичности [3]. Всё чаще в общественном сознании западных стран обсуждается вопрос о том, насколько соответствует европейской идентичности обычное слияние народов, как может трансформироваться данная цивилизация в условиях мультикультурализма, перемешивания разного рода идентичностей. Оказывается, Европа состоит из национальных государств, которые стремятся дистанцироваться друг от друга, вступают в соперничество и демонстрируют духовный разрыв.

Сложные вопросы, связанные с идентичностью, возникают и у России. Является ли наша страна частью Европы или мы духовно связаны с Востоком? Как следует относиться к нынешней демократической России, если она может и не считать себя правопреемницей СССР или наследницей Российской империи? Вот мнение известного сценариста и режиссера Александра Миндадзе, которого собеседник спрашивает, «кто мы есть»: «Есть тенденции к этому – опасные или не очень, органические или не совсем, но самоидентификация у нас окончательно не произошла, да и не может произойти, слишком много крови впитала в себя наша земля в XX в. Слишком массовым оказался удар по генофонду страны. И поломан ли её хребет – этот вопрос до сих пор остаётся без ответа» [4, с. 39].

Ещё один теоретический вопрос, связанный с поиском идентичности. Правомерно ли рассматривать идентичность как феномен устойчивости, закрытости, самопогружённости. Современные постмодернисты настаивают на предельной открытости, которая трактуется как заведомо неустойчивая и размытая идентичность. Чем глубже идентичность огораживает себя, тем сложнее обнаружить в ней корни и ядро. Следовательно, прокламировать нужно не замкнутость и предельную открытость. При такой трактовке идентичность по определению не может считаться чем-то сохранным, нераздельным, слитным. А это означает, что идентичность и не способна утвердиться. Это вечный процесс самокорректировки, самотождественности.

Список литературы:

1. Гуревич П.С. Десакрализация мозга // *Философская антропология / Philosophical Anthropology*. 2015. № 1(01). С. 6-19.
2. Подорога В.А. Kairos, критический момент. Актуальное произведение искусства на марше. М.: GRUNDRISSE, 2013. 180 с.
3. Хабермас Ю. Расколотый Запад / Пер. с нем. О.И. Величко и Е.Л. Петренко. М.: Весь Мир, 2008. 186 с.
4. Александр Миндадзе о мутациях, подъеме и психозах. Отрезвит голод, а не ТВ // *Аргументы и факты*. 2015. № 26. С. 39.
5. Автономова Н.С. Философский язык Жака Деррида. М.: РОССПЭН, 2011. 509 с.
6. Бурлакова Н.С., Олешкевич В.И. Психологическая концепция идентичности Э. Эриксона в зеркале личной истории автора. (Опыт исследования природы клинико-психологического знания). М.: ИПЦ Мaska, 2011. 305 с.
7. Батай Ж. Проклятая часть. Сакральная социология / Сост. С.Н. Зенкин. М.: Ладомир, 2006. 742 с.
8. Вопросы социальной теории: Научный альманах. 2010. Том IV. Человек в поисках идентичности / Под ред. Ю.М. Резника и М.В. Тлостановой. М.: Ассоциация «Междисциплинарное общество социальной теории», 2010. 528 с.
9. Гиренок Ф.И. Удовольствие мыслить иначе. М.: Фонд «Мир»: Академический Проект, 2010. 235 с.
10. Гиренок Ф.И. Аутография языка и сознания. М.: МГИУ, 2010. 247 с.
11. Гуревич П.С. Философское толкование человека. М.-СПб: Центр гуманитарных инициатив, 2012. 472 с.
12. Гуревич П.С. Философская интерпретация человека. К 80-летию профессора Павла Семёновича Гуревича. СПб.: Петроглиф, 2013. 428 с.
13. Козолупенко Д.П. Мифопоэтическое восприятие. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2009. 432 с.
14. Самохвалова В.И. К пониманию человека и его человеческой идентичности // *Полигнозис*. 2009. № 2(35). С. 89-102.
15. Подорога В.А. Антропограммы. Опыт самокритики. М.: Логос, 2014. 106 с.
16. Спирова Э.М. Философско-антропологическое содержание символа. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2012. 336 с.
17. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. М.: Прогресс, 1996. 340 с.

References (transliteration):

1. Gurevich P.S. Desakralizatsiya mozga // *Filosofskaya antropologiya / Philosophical Anthropology*. 2015. № 1(01). S. 6-19.
2. Podoroga V.A. Kairos, kriticheskii moment. Aktual'noe proizvedenie iskusstva na marshe. M.: GRUNDRISSE, 2013. 180 s.
3. Khabermas Yu. Raskoloty Zapad / Per. s nem. O.I. Velichko i E.L. Petrenko. M.: Ves' Mir, 2008. 186 s.
4. Aleksandr Mindadze o mutatsiyakh, pod'eme i psikhozakh. Otrezvit golod, a ne TV // *Argumenty i fakty*. 2015. № 26. S. 39.
5. Avtonomova N.S. Filosofskii yazyk Zhaka Derrida. M.: ROSSPEN, 2011. 509 s.
6. Burlakova N.S., Oleshkevich V.I. Psikhologicheskaya kontseptsiya identichnosti E. Eriksona v zerkale lichnoi istorii avtora. (Opyt issledovaniya prirody kliniko-psikhologicheskogo znaniya). M.: IPT's Maska, 2011. 305 s.
7. Batai Zh. Proklyataya chast'. Sakral'naya sotsiologiya / Sost. S.N. Zenkin. M.: Ladomir, 2006. 742 s.
8. Voprosy sotsial'noi teorii: Nauchnyi al'manakh. 2010. Tom IV. Chelovek v poiskakh identichnosti / Pod red. Yu.M. Reznika i M.V. Tlostanovoi. M.: Assotsiatsiya «Mezhdistsiplinarnoe obshchestvo sotsial'noi teorii», 2010. 528 s.
9. Girenok F.I. Udovol'stvie myslit' inache. M.: Fond «Mir»: Akademicheskii Proekt, 2010. 235 s.
10. Girenok F.I. Autografiya yazyka i soznaniya. M.: MGIU, 2010. 247 s.
11. Gurevich P.S. Filosofskoe tolkovanie cheloveka. M.-SPb: Tsentr gumanitarnykh initsiativ, 2012. 472 s.
12. Gurevich P.S. Filosofskaya interpretatsiya cheloveka. K 80-letiyu professora Pavla Semenovicha Gurevicha. SPb.: Petroglif, 2013. 428 s.
13. Kozolupenko D.P. Mifopoeticheskoe vospriyatie. M.: «Kanon+» ROOI «Reabilitatsiya», 2009. 432 s.
14. Samokhvalova V.I. K ponimaniyu cheloveka i ego chelovecheskoi identichnosti // *Polignozis*. 2009. № 2(35). S. 89-102.
15. Podoroga V.A. Antropogrammy. Opyt samokritiki. M.: Logos, 2014. 106 s.
16. Spirova E.M. Filosofsko-antropologicheskoe sodержanie simvola. M.: «Kanon+» ROOI «Reabilitatsiya», 2012. 336 s.
17. Erikson E. Identichnost': yunost' i krizis. M.: Progress, 1996. 340 s.